

Симашенков Павел Дмитриевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и правового обеспечения государственной службы АНО ВО Университет «МИР», г. Самара
pavel.simashenkov@yandex.ru

Ответственность за лайки и репосты: проблемы юридической квалификации

Аннотация. В статье анализируется законопроект, предусматривающий административную преюдицию состава возбуждения ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ). По результатам комплексного историко-правового исследования автор формулирует рекомендации, способные повысить эффективность противодействия экстремизму в России.

Ключевые слова: уголовное право, экстремизм, Интернет, гуманизация, история права, уголовная политика, квалификация, идеология.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Изучение феномена экстремизма крайне интересно уже оттого, что он определяется крайними проявлениями чего-либо, а каждое государство суверенно устанавливает границы должного и варианты возможного поведения граждан. Словами славянофила Ю. Ф. Самарина, кто признает определенное назначение власти, полагает тем самым ее пределы [1]. Значит, то, что в стране считается превышением этих пределов, наглядно отражает цивилизованность данного общества и жизнеспособность власти.

Припомним отечественную историю. Так, в донесении комиссии профессоров Петербургского университета «О причинах беспорядков и лучших мерах предупреждения их в дальнейшем» от 15.12.1878 г. указывается: «из всех органов государства, с которыми учащаяся молодежь находится в ближайшем соприкосновении вне университета, первое место занимает полиция» [2]. Разумеется, это о полицейском надзоре, а вовсе не про сотрудничество студентов с полицейскими чинами. Уголовное уложение 1903 г. содержит главу «О смуте» [3], где можно найти нормы, сходные с современными по целям регулирования, но отличные по уровню юридической техники (в пользу старой школы уголовного права, конечно). Например, ст. 124 уложения предусматривает наказание за участие «в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности: 1) возбуждение к неповиновению, или противодействие закону... 2) возбуждение вражды между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими; 3) возбуждение рабочих к устройству или продолжению стачки». А ст. 130-я запрещает распространение «непублично, учений или суждений, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону... если сии преступные учения или суждения были распространяемы среди сельского населения, войска или вообще таких лиц, в коих эти учения или суждения не могли бы встретить надлежащего противодействия и возбуждение коих в то же время угрожало бы опасностью государственному спокойствию». Ст. 133-я грозит уголовной ответственностью за «восхваление тяжкого преступления в речи или сочинении». В то же время при квалификации учитывалось совершение деяния «по чистому недомыслию и без злостных намерений» (Закон о порядке наказания студентов от 15.10.1881 г.). Как видим, указанные составы (при всей суровости санкций) призваны в большей степени пресекать пропаганду [4], нежели абстрактно выражаемые аффективные молодежные протесты.

Советская власть боролась с контрреволюцией, и ст. 83 УК РСФСР 1922 г. [5] наказывалась «агитация и пропаганда всякого рода, заключающаяся... в возбуждении национальной вражды и розни», но ст. 82 смягчала санкции, учитывая «вовлечение в преступление по малосознательности и невежеству». Квалифицирующими признаками контрреволюционных преступлений признавались действия при массовых волнениях или с использованием «религиозных или национальных предрассудков масс» (ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г. [6]), а ст. 59.6 позаимствовала термины и цели запрещенной агитации и пропаганды из кодекса 1922 г. Ст. 74 УК РСФСР 1960 г. почти аналогична нынешней ст. 282 УК РФ – с той разницей, что 74-я статья озаглавлена «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии», а название ст. 282 дублирует начало своей же диспозиции.

В действующем УК предусмотрены как антитеррористические (205–205.5), так и антиэкстремистские составы (280–282.3). Следует признать, что такие статьи констатируют симптомы социальных патологий, но едва ли способны исцелять [7]. Ключевое отличие обновленной уголовной ст. 282 от административной новеллы 20.3-1 – в оговорке «не содержит уголовно наказуемого деяния» в диспозиции последней. При идентичности формулировок можно предположить: все отличие (и смысл административной преюдиции) в повторности, иницирующей уголовную ответственность. Мы отнюдь не против преюдиции, но лишь там, где она емко сформулирована и уместно применяется (преюдициальные факты и дополнительного доказывания не требуют и личность виновного характеризуют). Однако нынешний флешбэк преюдиции ограничивает ее сроком давности (один год) и в духе былого упоминает об «аналогичном деянии» (проект федерального закона «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации Пр-1791 от 03.10.2018 г.). А это уже заявка на применение уголовного закона по аналогии (недопустимое как нарушение законности: ч. 2 ст. 3 УК РФ); более того, попустьтельство практики объективного вменения (запрещено ч. 2 ст. 5 УК РФ).

Поясним нашу позицию. Учитывая упрощенный порядок производства по делам об административных правонарушениях, в случае введения новой статьи органам прокуратуры будет, по идее, достаточно самого факта «действий, направленных на возбуждение...», т. е. применительно к предмету нашего исследования – тех самых лайков и репостов «возбудительных» материалов. И коль скоро даже применительно к уголовной ст. 282 Верховный суд предписывает устанавливать цель, определять направленность, учитывать форму и содержание, контекст, наличие и содержание комментариев (Постановление ВС РФ № 32 от 20.09.2018 г.), кому понадобится разбираться в нюансах субъективной стороны проступка при квалификации по ст. 20.3-1 КоАП РФ? Таким образом, преюдициальный факт с большой долей вероятности может быть результатом объективного вменения. При повторном совершении «аналогичного деяния» сама повторность (и только она) будет свидетельствовать уже о наличии состава преступления. В противном случае разваливается конструкция аналогии деяний: раз первое не сочли общественно опасным (ибо проступок), повторное может не стать таковым в силу разъяснений Постановления Верховного суда № 11 от 28.06.2011 г. и дополняющего его № 32 от 20.09.2018 г., требующего достаточных данных, т. е. не только повода, но и основания для возбуждения уголовного дела. Скажем больше: оговорки распространяются даже на материалы, ранее признанные экстремистскими [8]; главное – осознание виновным направленности и наличие цели возбудить ненависть (а контекст ее, навеянный капризами политической моды, ветрен и изменчив [9]).

Стоит ли говорить, что сия путаница не только питательна для адвокатов, но и способствует дискредитации правоприменителей (они-де в прошлый раз пере-

мудрили с экстремизмом). Верховный суд призывает еще и решить вопрос о малозначительности: как она увязывается с фактом повторности и аналогией? Нам представляется, все вышесказанные экивоки попросту не станут учитываться, и приоритет будет за простым механизмом объективного вменения по аналогии, когда общественная опасность лица (не деяния!) исчисляется нарастающим итогом – эдакий бесхитростный переход количества репостов в качество судимости за них. Едва ли подобная диалектика гуманна, зато целесообразна.

Касаемо стороны объективной: что значат «иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния» (п. 2 Постановления ВС РФ № 32 от 20.09.2018 г.), призванные быть «достаточными данными»? Могут ли ими считаться некие последствия размещения крамолы? Но тогда к чему конструкция состава ст. 282 УК РФ как формального? Или это опасность самих размещенных материалов? Тогда сей факт должен быть как минимум подтвержден экспертом, а здесь возможно лишь вероятностное заключение, мало к чему обязывающее судей. Однако в случае самостоятельности опасности предмета преступления к чему подсчитывать число лайков и просмотров? И что главнее: импульс или резонанс? Чем резонанс детерминирован: новизной, типичностью или же шоковым контентом, но в типичном (ожидаемом) контексте? Применительно к ситуации мы предполагаем наиболее распространенным третий случай, разогревающий уже тлеющую в массах ненависть [10]. Закономерен вопрос: откуда ненависть появилась и почему причиной реакции считают катализатор, а не реагенты? Это ведь даже не подстрекательство, поскольку конкретики в отношении реализации ненависти не содержит, да и направлено в адрес индивидуально неопределенного круга лиц.

Оценивая субъективную сторону преступления, следует учитывать цель, которая (согласно Постановлению ВС РФ № 32) выражается в обстоятельствах (объективная сторона!), а именно: контекст, размер и состав аудитории, наличие и содержание комментариев, приверженность автора радикальной идеологии, интенсивность обновлений, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию. Таким образом, в ряде случаев автора репоста может погубить собственная интернет-популярность (особенно дешевая), ибо она и есть контекст. Но цель накрутки рейтинга (при всей интеллектуальной и нравственной ущербности [11]) отнюдь не сходна с мотивом разжигания вражды. Мы даже уверены, что подавляющее большинство сетевых критиков (за отсутствием таланта и фантазии) ограничивается констатацией какого-либо факта. Их ли винить, что информационная заметка способна взрастить гроздь гнева? Или же такой расклад мало зависит от воли конкретного лица, а почти всецело обусловлен настроениями в обществе? [12]

На эти мысли наводит в первую очередь корректировка стратегии государственной национальной политики (произведена Указом № 703 от 06.12.2018 г.). Видимо, за шесть лет положение изменилось настолько, что потребовало введения в оборот нормативных дефиниций гражданского единства, гражданского самосознания и даже многонационального народа (который уже четверть века единственный источник власти в РФ). Народ, согласно указу, есть сообщество равноправных граждан, обладающих гражданским самосознанием, а самосознание, в свою очередь, есть общероссийская гражданская идентичность, необходимость «соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». Мало того, что права заставляют соблюдать, словно запреты (в теории права они реализуются добровольно – в форме осуществления, а вот обязанности – исполняются); для приверженности россиянам остро не хватает реестра тех самых базовых ценностей (к слову, нечто похожее утвердили единосроссы на XVIII съезде партии в декабре

2018 г.). Показательно: «гражданственные» граждане, по логике определения, «равноправнее» тех, кто означенным самосознанием не обладает и, соответственно, к народу непричастен. Чем не деление на добрых и лихих людей а-ля средневековые Судебники? Вероятно, долгом первых станет доносить на вторых. Примеры уже имеются: «серийные потерпевшие» из Барнаула Д. Исаенко и А. Битнер.

Логика ненависти – в примитивизме непосредственных заключений: так, в молодежной среде прижился словесный штамп «Совпадение? Не думаю!» (по сути – *cum hoc ergo propter hoc*). Неспроста стратегия государственной национальной политики утверждает державные паттерны, а недостатки и проблемы списывает преимущественно на «попытки пропаганды в стране экстремистской идеологии» вследствие глобализации и «целенаправленного вмешательства из-за рубежа» (п. 14 Указа № 703). Как видим, посыл более чем серьезный. С чем же тогда связаны послабления в квалификации 282-й статьи УК РФ? По мнению председателя экспертного совета по безопасности и взаимоотношениям граждан с правоохранительными ведомствами А. Цветкова, «частичная декриминализация статьи 282 УК РФ позволит разграничить реальное разжигание ненависти и не представляющие опасности поступки, прежде всего, в соцсетях. Статья 282 воспринималась обществом как форма политической цензуры, а правоприменительная практика давно исказила ее первоначальные цели. За одно и то же правонарушение давались совершенно разные приговоры» [13]. Отныне, скорее всего, виновных ждут типовые приговоры, пусть и за разные деяния.

Ст. 280 УК РФ запрещает публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Разграничивая составы, важно помнить, что согласно ФЗ № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» таковой считается возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни (ст. 1 – правда, с оговоркой «для целей настоящего Федерального закона»). Может быть, в ст. 280 УК возбуждение понимается как процесс, а в 282-й – как результат? Вряд ли, оба состава формальные. Складывается впечатление, будто вся мудрость послабления заключена в том, что по ст. 20.3-1 КоАП возбуждение не состоялось, а в порядке ст. 282 УК оно должно случиться (документированное заявлениями «возбужденных» граждан). Оговорочное витийство Постановления ВС № 32 и ПР-1791 можно понять и так: субъекты проступка суть лица возбуждавшие и так и не возбудившие. Послабляющие поправки могут быть восприняты не только как «амнистия» малахольным экстремистам, но и как благословение нанопротестов в Сети. Отсюда – сонм одноразовых оппозиционеров (дела М. Мотузной и Р. Соколовского), многие из которых составят кадровый резерв коллаборационизма (дело Е. Чудновец). К тому же осведомителей практически невозможно привлечь по ст. 306 УК (заведомо ложный донос) – из-за административной преюдиции в ст. 282 УК РФ.

Разберемся с возбужденными. Кто они: потерпевшие или осознавшие себя потенциальными исполнителями преступлений экстремистской направленности? В последнем случае – явно представляют оперативный интерес. Итак, где ненависть – тренд, там ее разжигание становится стратегией успеха. Можно ли формально регулировать интонацию? В смысле возбуждения именно ненависти (а не брезгливости) или унижения (а не снисходительного презрения). К тому же распространяется ли «унижение достоинства группы лиц по признакам принадлежности к социальной группе» на т. н. виртуальные толпы, столь легко организуемые в Сети? В данном ракурсе любопытно предложение члена Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека А. М. Верховского: «Надо ли как-то сократить список групповых признаков в ст. 282 УК? Я считаю, что да. Но можно его и дополнить, как и отягчающий мотив ненависти, – признаком сексуальной ориентации» [14].

Ненависть, вероятно, предполагает отсроченную возможность применения насилия, тогда как презрение (к примеру) можно назвать латентной, кумулятивной стадией аффекта ненависти. А посему не стоит сбрасывать со счетов обстановку [15], в которой претворяется «синдром последней капли». В переходе этой грани – вся суть отличия профилактики от превенции. Превенция состоит в недопущении провокаций, а профилактика – в формировании нечувствительности к ним. Разумнее не плодить провокаторов, сколачивая кибердружины [16, 17], а воспитывать подрастающее поколение в духе взаимоуважения и той самой русской соборности, что, конечно же, весьма затруднительно в современных координатах, когда каждый неоприходованный инфоповод воспринимается упущенной выгодой. Уголовная политика РФ подменяет профилактику превенцией: вместо создания условий, исключающих противоправную мотивацию, – попытка прочертить границы, в которых совершить что-либо боязно ввиду того, что последствия и санкции суровее характера и степени общественной опасности самого деяния.

Умножая и нагромождая антиэкстремистские запреты, законодатель усугубляет правоприменительную катавасию, засоряет квалификацию проблемами разграничения составов из-за конкуренции и клонированных квалифицирующих признаков. Обилие похожих статей, возможно, сойдет (по формальным отчетам) за «эффективную» борьбу», но на практике спровоцирует произвол и нигилизм как с властной стороны, так и со стороны народа. Об избирательности правосудия здесь и говорить нечего: вернее ориентироваться по тренду, нежели уповать на кодексы. А ведь еще славянофил И. В. Киреевский предупреждал: никакая власть никакому лицу или сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений [18].

Внутренняя конфликтность, амбивалентность законодательства происходит от отсутствия в России внятной идеологии, в т. ч. и правовой. Отождествляя социальную этику с политикой, правящий режим упаковывает проявления протеста в гл. 29 УК «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», констатируя опасный разрыв между официозной и народной правдами. Не рискуя предлагать системный пересмотр Уголовного кодекса, в рамках предмета исследования ограничимся структурными изменениями. Ст. 280 УК конкурирует с 282-й, ибо «под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 № 41), а в ст. 282 предусматриваются «действия, направленные». Следовательно, в части призывов ст. 282 является целым, а в части направленности призывов – специальной нормой (280-я по указанным критериям, соответственно, частью и общей нормой).

Мы утверждаем, что возбуждение вражды есть преступление против общественной безопасности (а не только посягательство на государство), и потому диспозиции ст. 282 место в ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», хотя бы в виде отдельной ее части – «пропаганда экстремизма». Заметим: призывы в худшем случае воплотятся в приискании соучастников. Разумеется, ненаказуемое при отсутствии исполнителя, т. е. не совершении деяния. Другое дело – пропаганда: она всегда предполагает цель, значит, осуществляется с прямым и заранее обдуманым умыслом.

Важно подчеркнуть: мы считаем экстремизм идеологией [19], а не «деятельностью»: идеология непременно проявится в деятельности, однако может быть опасной и на уровне взглядов (профилактический элемент). С идеологией и бороться надле-

жит средствами идеологическими, уголовными же – в порядке исключения. Не забудем также возможности общей части УК. При наличии у виновного мотива вражды его вменяют какотягчающее обстоятельство (пп. «е», «р» ч. 1 ст. 63 УК). И конечно же, ст. 20.3-1 в КоАП явно лишняя. Для реализации комплексного подхода в антиэкстремизме мы считаем необходимым дополнить КоАП РФ составом из ст. 71 и 228.1 УК РСФСР 1960 г. (пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась; изготовление, распространение, демонстрация или хранение с целью распространения или демонстрации кино- и видеофильмов или иных произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости). Правда, такое возможно при наличии в государстве идеологии, у граждан – идеологического иммунитета, а в обществе – культуры.

Таким образом, суммируя вышеозначенные рекомендации, выделим их положительные моменты: 1) дефиниции приводятся к единому знаменателю, увязывая терминологию стратегии государственной национальной политики, ФЗ-114 и постановлений ВС РФ; 2) квалификация экстремизма оптимизируется путем устранения многочисленных коллизий между призывами, агитацией и пропагандой, а также посредством отказа от установления двусмысленного факта «возбуждения»; 3) совершенствуется антиэкстремистская профилактика – за счет смещения акцента с отлова «диванных критиканов» на культивирование идеологического иммунитета. Всё совокупно воскрешает подзабытый принцип экономии юридического материала и, по нашему убеждению, существенно повысит эффективность противодействия расколу российского общества экстремистскими идеями.

Ссылки на источники

1. Сочинения Ю. Ф. Самарина: [в 12 т.] Т. 1: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. – М., 1877–1911.
2. Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. – М., 1964.
3. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Изд. В. П. Анисимова, 1903.
4. Симашенков П. Д. Деятельность властных структур и органов военного управления по патриотическому воспитанию офицерства российской армии: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2003.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=45140#05068018652474476>.
7. Симашенков П. Д. Инновационный курс в русле традиций государственного управления в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 5. – С. 171–175.
8. Федеральный список экстремистских материалов. – URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>.
9. Симашенков П. Д. Защита чувств верующих в России: историко-правовой аспект // Актуальные тренды регионального и местного развития: сб. ст. по материалам I (IX) Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г. А. Хмелевой. – Самара, 2014. – С. 150–156.
10. Симашенков П. Д. О преемственности в политической истории России // Культура и образование: от теории к практике. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 27–31.
11. Симашенков П. Д. Компетентностный подход в кадровой политике: покушение с негодными средствами // Кадровик. – 2018. – № 11. – С. 72–79.
12. Алейникова С. М. «Русский мир»: белорусский взгляд: монография. – Минск: РИВШ, 2017.
13. Смягчение 282 статьи поможет в борьбе с экстремизмом, считает эксперт. – URL: https://news.rambler.ru/community/41275598/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
14. Пояснительная записка об антиэкстремистском законодательстве. – URL: <https://www.sova-center.ru/misuse/publications/2016/01/d33639>.
15. Алейникова С. М. Религиозный фактор в современном политическом маркетинге: монография. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018.
16. В Госдуме подготовили законопроект о кибердружинах. – URL: <https://ria.ru/society/20181102/1531986218.html>.
17. ЕР рассмотрит законопроект о «кибердружинах» для защиты детей от экстремизма в интернете. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/636259>.
18. Полное собрание сочинений И. В. Киреевского. Т. I. – М., 1911.

19. Симашенков П. Д. Идеология и идеологический иммунитет // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 5 (май). – С. 116–122.

Pavel Simashenkov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Public Administration Chair, "MIR" University, Samara
pavel.simashenkov@yandex.ru

Responsibility for likes and reposts: problems of legal qualification

Abstract. The article analyzes the draft law providing for the administrative prejudice for hatred or enmity incitement (article 282 of the Russian criminal code). Based on the results of a comprehensive historical and legal study, the author formulates recommendations that can improve the effectiveness of fighting against extremism in Russia.

Key words: criminal law, extremism, Internet, humanization, history of law, criminal policy, qualification, ideology.

References

1. (1877–1911). *Sochineniya Yu. F. Samarina: [v 12 t.] T. 1: Stat'i raznorodnogo sodержaniya i po pol'skomu voprosu*, Moscow (in Russian).
2. Stepnyak-Kravchinskij, S. M. (1964). *Rossiya pod vlast'yu carej*, Moscow (in Russian).
3. (1903). *Novoe ugovnoe ulozhenie, Vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 goda*, Izd. V. P. Anisimova, St. Petersburg. (in Russian)
4. Simashenkov, P. D. (2003). *Deyatel'nost' vlastnyh struktur i organov voennogo upravleniya po patrioticheskomu vospitaniyu oficerstva rossijskoj armii: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk*, Samarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, Samara (in Russian).
5. *Ugolovnyj kodeks RSFSR 1922 g.* Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm (in Russian).
6. *Ugolovnyj kodeks RSFSR 1926 g.* Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=45140#05068018652474476> (in Russian).
7. Simashenkov, P. D. 2015 (. "Innovacionnyj kurs v rusle tradicij gosudarstvennogo upravleniya v Rossii", *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 5, pp. 171–175 (in Russian).
8. *Federal'nyj spisok ehkstremskikh materialov*. Available at: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (in Russian).
9. Simashenkov, P. D. (2014). "Zashchita chuvstv veruyushchih v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt", in Hmeleva, G. A. (ed.) *Aktual'nye trendy regional'nogo i mestnogo razvitiya: sb. st. po materialam I (IX) Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Samara, pp. 150–156 (in Russian).
10. Simashenkov, P. D. (2015). "O preemstvennosti v politicheskoy istorii Rossii", *Kul'tura i obrazovanie: ot teorii k praktike*, t. 1, № 1, pp. 27–31 (in Russian).
11. Simashenkov, P. D. (2018). "Kompetentnostnyj podhod v kadrovoj politike: pokushenie s negodnymi sredstvami", *Kadrovik*, № 11, pp. 72–79 (in Russian).
12. Alejnikova, S. M. (2017). *"Russkij mir": belorusskij vzglyad: monografiya*, RIVSH, Minsk (in Russian).
13. *Smyagchenie 282 stat'i pomozhet v bor'be s ehkstrezmom, schitaet ehkspert*. Available at: https://news.rambler.ru/community/41275598/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copypink (in Russian).
14. *Poyasnitel'naya zapiska ob antiehkstremskom zakonodatel'stve*. Available at: <https://www.sova-center.ru/misuse/publications/2016/01/d33639> (in Russian).
15. Alejnikova, S. M. (2018). *Religioznyj faktor v sovremennom politicheskom marketinge: monografiya*, Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus', Minsk (in Russian).
16. *V Gosdume podgotovili zakonoproekt o kiberdruzhinah*. Available at: <https://ria.ru/society/20181102/1531986218.html> (in Russian).
17. *ER rassmotrit zakonoproekt o "kiberdruzhinah" dlya zashchity detej ot ehkstrezmizma v internete*. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/636259> (in Russian).
18. (1911). *Polnoe sobranie sochinenij I. V. Kireevskogo*. T. I, Moscow (in Russian).
19. Simashenkov, P. D. (2018). "Ideologiya i ideologicheskij иммунитет", *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 5 (maj), pp. 116–122 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	14.12.18	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	30.01.19
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	30.01.19	Опубликована <i>Published</i>	31.03.19

www.e-koncept.ru

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2019

© Симашенков П. Д., 2019